

С. В. Махонь (Минск)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БЕЛОРУСИЗМОВ КАК КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В ПЕРЕВОДАХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ С БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Значения слов в переводах художественных произведений никогда не ограничиваются их прямыми, номинативно-предметными значениями; буквальное значение слова приобретает здесь иной смысл; в переводах художественных произведений отбор слов связан со средствами отражения действительности, и потому в художественном переводе не должно быть слов немотивированных.

Опорные, ключевые в смысловом отношении слова могут взаимодействовать в пределах не только определенных отрывков текста, но и всего произведения, они не только подчиняются художественному контексту, но и активно образуют его. Это особенно характерно для ключевых слов, которые часто входят в название произведения. Такие слова образуют внутреннее единство языковой системы, становятся существенным элементом композиционного построения. Так, в повести А. Осипенко «Жито» таким ключевым элементом является белорусизм *жито*, вынесенный в название произведения. Это слово, ассоциируясь в читательском восприятии с понятиями «жизнь», «жить», как ключевое приобретает в тексте дополнительные смысловые оттенки, становится словесным символом борьбы за жизнь в трудные послевоенные годы, борьбы с голодом и разрухой, символом новой, нарождающейся жизни, символом бессмертия народа.

Слово *жито* широко употребляется в переводных текстах оно отмечено в 37 проанализированных нами произведениях. Во многих из них *жито* становится опорным, ключевым, с его помощью создаются не только картины труда и быта белорусского народа, но и глубокие, емкие философские образы. Этому во многом способствует этимология слова *жито*, общеславянского по происхождению, образованного с помощью суффикса *-т/о/* от *жити* [1, с. 148]. Связь слов *жить*, *жизнь* и *жито* позволяет определенным образом использовать белорусизм *жито* в переводах художественных произведений: *Высокие хлеба, что охватили ее хуторок, называет то ласковым словом «жито», угадывая связь этого растения с понятием «жить», «выжить», то, на русский лад, величая жито своим словотворчеством «роишч»* (А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник. Я

из огненной деревни). Слова *жить*, *жито* в этом абзаце и в контексте всего произведения, рассказывающего о народном горе в годы Великой Отечественной войны, приобретает особую смысловую многообъемность и значительность.

Еще одно употребление рассматриваемого слова имеет своим основанием смысловую связь и созвучность опорного слова *жито* с эпитетом к нему *живое*: *Забывшись, ловит сперва не серпом, а рукой это живое, убегающее из пальцев жито* (В. Адамчик. Чужая вотчина).

С помощью слова *жито* в тексте может создаваться смысловое противопоставление: *На песчаных пригорках полей шелестели сожженные солнцем пустые колосья жита...* (И. Чигринов. За сто километров на обед).

Символическую значимость приобретает пожелание «*Растите, милые, как жито, и красуйтесь, как жито!*» (З. Бядуля. В дремучих лесах), где по замыслу переводчика *жито* как символ жизни должно вызывать определенные ассоциации со словом *жизнь*.

Каждое употребление белорусизма в переводе художественного произведения должно рассматриваться с точки зрения его эстетической целесообразности, необходимости, о которой судить можно прежде всего по художественному контексту. Значительно возрастает необходимость использования белорусизмов с определенными целями, обусловленными контекстуально-смысловым единством художественного текста, в произведениях, которые рассказывают о событиях, происходивших на территории Беларуси и персонажи которых являются белорусами. Как правило, каждое такое употребление придает значению слова дополнительные оттенки, наделяет определенными функциями в произведении. Так, слово *криница* становится своеобразным символом всего живого, родной земли, с ним тесно связана идея обновления жизни, всемогущества природы: *Два символа былой, кроваво растоптанной жизни – печь и криница* (А. Адамович, Я. Брыль, В. Колесник. Я из огненной деревни), *Родная земля – это криницы* (В. Короткевич. «Колосья под серпом твоим») и др. В романе М. Лынькова «Незабываемые дни» *криница* становится как бы двойным символом: с одной стороны, это символ мирной жизни, созидания, с другой – символ пробуждения народного протеста против захватчиков. Такая подчас взаимоисключающая символическость слова определена контекстуально: данное слово несколько раз повторяется в описании мирной жизни Астапа и его

дочери Надейки: *Там пробивалась из-под земли криница. В самые жаркие дни от криницы, от желоба веет прохладой* (М. Лыньков. Незабываемые дни), а это описание предшествует сцене первой встречи Астапа с врагами. Таким же символом выступает *криница* в романе В. Короткевича «Колосья под серпом твоим»: *Юрий Загорский скончался, так и не придя в сознание, по дороге в Загорщину, у оврага, где берут начало криницы*; в данном случае возникает философская антитеза, в которой жизнь и ее символ *криница* противостоят смерти.

Слово *криница* широко используется в сравнениях, которым придает необычайную колоритность, сближает их со средствами традиционной народно-поэтической образности: *А она – словно березка среди поля, и сердце ее чисто, как криничка под пригорком* (З. Бядуля. В дремучих лесах), *Вытирала на глазах слезы, которые бежали да бежали, словно из вечной, неистощимой криницы* (З. Бядуля. В дремучих лесах), *Словно из жерла криниц, словно из журавлиного горла, пела труба* (В. Короткевич. Колосья под серпом твоим) и др.

Рассмотренные выше функции белорусизма *криница*, дополнительные оттенки в его значении определяются контекстуально той белорусской действительностью, о которой идет речь в произведениях. Именно контекст ставит задачу использования данного слова с конкретно заданным эстетическим качеством.

Раница: *Красавица – раница!* (С. Граховский. Рудобельская республика). Белорусское слово *раница*, сохраняемое переводчиком в тексте для сравнения красоты белорусской девушки с красотой утра, на наш взгляд, функционально обосновано. Замена белорусского слова русским способствовала бы утрате особой поэтичности, заключенной в сравнении, характерном для белорусского фольклора. Определенную роль играет также созвучность слов *красавица* и *раница*, состав гласных и финальные части которых, совпадения по звучанию, создают ассонанс, характерный для устойчивых словосочетаний и выступающий как стилистическое средство [2, с. 58]. Немаловажно совпадение по категории рода слов *красавица* и *раница*. В русском языке *утро* является словом среднего рода, это не позволяет использовать его для характеристики девушки на месте белорусского слова *раница*. Несомненно, словосочетание *красавица-раница* нельзя рассматривать как устойчивое словосочетание, фразеологизм, так как один элемент его принадлежит другой языковой

системе, однако функционирование данного словосочетания в тексте в качестве выразительного средства очевидно.

1. *Шанский, Н. М.* Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская. – М., 1971.

2. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1968.